

Челтыгмашева Лариса Викторовна

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ АВТОРСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ Д. И. ЧАНКОВА "РАНА МОЯ ДО СИХ ПОР НОЕТ..."

В статье рассматривается вопрос о роли автора в повести хакасского учёного, педагога, участника Великой Отечественной войны Д. И. Чанкова "Рана моя до сих пор ноет...". Повесть впервые вводится в научный оборот, не была переведена на русский язык и не становилась объектом научного интереса. Автор обосновывает положение о том, что типы субъектов в произведении - автор-творец, образ автора, герой - объединены авторским сознанием, обнаруживаемом в каждой составляющей текста и в художественном целом повести.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 197-199. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.01/.09

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о роли автора в повести хакасского учёного, педагога, участника Великой Отечественной войны Д. И. Чанкова «Рана моя до сих пор ноет...». Повесть впервые вводится в научный оборот, не была переведена на русский язык и не становилась объектом научного интереса. Автор обосновывает положение о том, что типы субъектов в произведении – автор-творец, образ автора, герой – объединены авторским сознанием, обнаруживаемом в каждой составляющей текста и в художественном целом повести.

Ключевые слова и фразы: автор; автор-творец; образ автора; герой; авторское сознание; повесть.

Челтыгмашева Лариса Викторовна, к. филол. н.

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
chelytymasheval@mail.ru*

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ АВТОРСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ Д. И. ЧАНКОВА «РАНА МОЯ ДО СИХ ПОР НОЕТ...»[©]

Одной из важных и наиболее сложных проблем в литературоведении является проблема исследования категории автора. Немало историко-литературных и теоретических работ В. В. Виноградова, М. М. Бахтина, С. С. Аверинцева, К. Н. Атаровой и Г. А. Лесскис, Ю. В. Манн, Б. О. Кормана и других учёных посвящено определению термина «автор», изучению различных форм авторского присутствия в художественном тексте, анализу взаимосвязей и различий между субъектами авторского плана: образом автора, повествователем, рассказчиком. Если в прежней научной традиции понятия «образ автора», «повествователь», «рассказчик» были тождественными, то в современном литературоведении они разграничиваются, дифференцируются. Согласно научной концепции М. М. Бахтина, различаются типы субъектной организации: автор-создатель, творец произведения или «первичный» автор (природа несотворённая, которая творит); образ автора, созданный автором-творцом, или «вторичный» автор (природа сотворённая, которая творит); образ героя (природа сотворённая, которая не творит) [2, с. 244]. Несмотря на наличие научных работ, в той или иной мере касающихся изучения проблемы автора, в хакасском литературоведении исследований в данном направлении практически не было. Между тем в хакасской литературе, в частности в прозе, есть произведения, интересные для рассмотрения в аспекте проявления авторской личности в художественном произведении. Цель данной статьи – исследование форм присутствия автора в одном из таких произведений – повести Дмитрия Ивановича Чанкова (1925-2008) «Палиим ам даа сыстапча...» («Рана моя до сих пор ноет...»).

М. М. Бахтин писал: «Автора мы находим вне произведения как живущего своею биографической жизнью человека, но мы встречаемся с ним как творцом и в самом произведении, однако вне изображенных хронотопов, а как бы касательной к ним» [1, с. 403]. Д. Чанков, как эмпирико-биографическое лицо, вне созданного им произведения, – человек с непростой и интересной судьбой. В восемнадцать лет Дмитрий Иванович был призван в ряды Советской армии и направлен в должности станкового пулеметчика на II Украинский фронт, получил тяжелое ранение. Был награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, различными медалями и памятными знаками. После войны окончил Абаканский государственный педагогический институт по специальности «Русский язык и литература», в 1957 году в Ленинградском Государственного ордена Ленина университете им. А. А. Жданова на кафедре тюркской филологии восточного факультета защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Согласные хакасского языка». Был заведующим сектором языка (в 1956-1959 гг.) и директором (в 1959-1969 гг.) Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, затем более тридцати лет преподавал на кафедре хакасской филологии Хакасского госуниверситета им. Н. Ф. Катанова.

Автор более 70 научных и учебно-методических работ, составитель учебников по хакасскому языку и литературе, педагог, подготовивший целые поколения учителей-филологов, Д. Чанков проявил себя ещё и как творческая, мыслящая художественными образами личность, автор-творец повести, как художественного целого, «Рана моя до сих пор ноет...», опубликованной в литературно-художественном альманахе «Хан Тигир» в 1993 и 1995 годах.

Произведение построено как лирико-исповедальное повествование главного героя – солдата-фронтовика Пайсана Халтаракова, вспоминающего на могиле матери важные моменты в своей жизни: первую любовь, войну с фашистами, ранение, отпуск в родной деревне, возвращение на фронт. Через сознание главного действующего лица автор пропускает собственно увиденное и лично пережитое на Великой Отечественной войне, выражает значимое для себя эмоционально-смысловое восприятие действительности.

Особенностью композиции произведения является прием обрамления: повесть начинается с того, как весной, в праздник поминовения усопших Пайсан на кладбище герой вспоминает о случае тридцатилетней давности, много лет не дававшем ему покоя и заставлявшем чувствовать вину перед покойной матерью: «Мама, ты меня не слышишь, но я буду говорить, думая, что ты меня слышишь, так мне легче будет с тобой

разговаривать» [4, с. 7] (*здесь и далее перевод наш – Л. Ч.*). И завершается повествование картиной того, как, стоя у могилы матери, герой, поведав о том, что мучило его все эти годы, чувствует душевное облегчение.

Использованный автором приём ретроспекции в форме воспоминания, помимо своей основной функции обращения к прошлому, дает возможность проникнуть во внутренний мир героя: понять чувства, испытанные им когда-то и переживаемые в настоящем. В экскурсах в прошлое сквозь призму восприятия героя воссоздается общая картина художественного познания внутреннего мира и поведения человека в военное время. В ходе повествования в поток тяжелых раздумий о войне вклиниваются светлые воспоминания героя о девушке Клаше, любовь которой помогает Пайсану выжить в нечеловеческих условиях и не очерстветь сердцем и душой. Но война всё-таки разъединяет любящих: после серьезного ранения и лечения в госпитале, Пайсана отправляют в отпуск домой, по пути он сходит с поезда, идет 35-40 вёрст до деревни Клаши и узнает, что его любимая вышла замуж. Автор психологически точно и конкретно передает переживания, смену душевных состояний своего героя. Чувства Пайсана, сошедшего с поезда и торопящегося встретиться с Клашей, описаны так: «Мне легко идти, будто каким-то магнитом тянет. Любовь, большая любовь, наверное, так тянет. День обещает быть жарким, но для меня это не преграда...» [Там же, с. 14].

Описание реалий, встречающихся на пути главного героя – солдата, идущего по родной земле, оживляет в памяти события прошлых лет. Так, увидев перебегающего дорогу суслика, вспоминает о том, как в годы войны, когда с едой было тяжело и не было мяса, люди во время сенокоса питались сусликами. Зажаренное на костре мясо суслика было очень вкусным, ароматным, чтобы его хватило на всю бригаду косарей, специально отправляли двоих мальчиков на ловлю сусликов. В подобных экскурсах в прошлое отражена детская точка зрения героя – непосредственная, познающая жизнь, постигающая сложности окружающего бытия.

Далее в пути он видит традиционно почитаемые хакасами деревья – лиственницы: «Побывав на западе страны, я пришел к выводу, что лиственница – это наше сибирское дерево. Оно – большое, высокое, крепкое, способное выдержать любые морозы. Дома из лиственницы веками стоят крепко, не прогнивая» [Там же, с. 15]. Продолжая мифо-фольклорную традицию восприятия лиственницы как символа вечности, твердости, стойкости, Д. Чанков наполняет ее философским смыслом – на каждую силу находится своя сила, поэтому все на свете имеет свой предел, свой конец. Герой вспоминает миф о самоуверенной лиственнице, поспорившей с громом: «Среди деревьев на земле я самое крепкое, самое высокое, самое могучее, ты меня не сможешь победить». «Смогу», – отвечает ей гром, и с тех пор гром в основном бьет по лиственнице, если попадает, то разбивает вдребезги [Там же]. Повествование о лиственнице, переоценившей свои силы, выражает в повести новый содержательный художественный смысл, заключающийся в том, что насколько бы ни был грозен и силен враг – фашистская Германия, в войне за свою Родину советский народ обязательно его победит. Автор опосредованно, т.е. через миф актуализирует мысль о силе народа, защищающего свою землю.

Чтобы запечатлеть умонастроения и импульсы героя, автор использует описания того, что он испытывает, передать всю гамму эмоциональных состояний влюбленного юноши помогает прием противопоставления. Если на встречу с любимой герой шел легко и быстро, ноги сами несли его, день был солнечный и ясный, то на обратном пути ему кажется, что в голове у него все смешалось, сердце вот-вот разорвется, тяжело дышать и вокруг всё темно.

В повести самосознание героя реализуется в виде рефлексии, которая, как отмечает В. Е. Хализев, «у писателей-классиков неоднократно представала как благая и насущная для становления человеческой личности», важнейшим стимулом которой являлась «пробудившаяся и властно “действующая” в их (*литературных героях – Л. Ч.*) душах совесть» [3, с. 202]. Совесть мучает и терзает героя, он винит себя в том, что лишь в тяжелые для него минуты он вспомнил о самом родном и преданном человеке – доброй и заботливой маме.

В образе матери совмещены архетипические черты Великой Матери – хранительницы домашнего очага – мудрой, понимающей, всепрощающей, жалеющей. В повести есть слова: «В детстве мы недооцениваем своих матерей, только потом, когда вырастем, мы задумываемся о них. Где бы я ни был, как бы тяжело мне ни было, я всегда вспоминаю о маме, она всегда со мной» [5, с. 70]. Данное лирическое отступление принадлежит «вторичному» автору, т.е. субъекту речи, близкому к автору-творцу. Автор, будучи феноменом внеэстетического порядка, не является героем произведения, но он становится материалом для создания художественного образа автора. Авторские интенции чаще всего проявляются в лирических отступлениях, в которых наделенный биографическими чертами создателя повести – участника Великой Отечественной войны Д. И. Чанкова – автор выражает свое эмоционально-экспрессивное отношение к войне, рассуждает о тяжелых буднях солдата на фронте и не менее суровой жизни в тылу, о любви к родной земле, матери. Герой произведения, пройдя войну, испытав первую любовь, понимает, что, как бы далеко ни был от родных мест, какие бы трудности ни преодолевал, он всегда чувствовал присутствие матери и ее поддержку. Образ матери – сквозной образ повести, за которым просматривается архаический параллелизм матери – страны, Родины.

Повесть Д. Чанкова «Рана моя до сих пор ноет...», построенная как воспоминание и пронизанная само-рефлексией, самоанализом, особенной лирической тональностью, эмоциональной окраской – безусловно, одна из лучших произведений хакасской прозы последних десятилетий, главной стилиевой особенностью которой стало лирическое, субъективное начало. Формами проявления авторской личности являются созданные авторским сознанием, но не тождественные творцу произведения образ действующего, исповедующегося и близкого автору героя и образ автора, передающего в лирических отступлениях авторские интенции, авторскую точку зрения на воссоздаваемую художественную действительность.

Список литературы

1. **Бахтин М. М.** Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. **Теория литературы:** учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2-х т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2004. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. 512 с.
3. **Хализев В. Е.** Теория литературы. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2007. 405 с.
4. **Чанков Д. И.** Палиим ам даа сыстапча... // Литературно-художественный альманах «Хан Тигир». 1993. № 1. С. 7-17.
5. **Чанков Д. И.** Палиим ам даа сыстапча... // Литературно-художественный альманах «Хан Тигир». 1995. № 2. С. 60-78.

**THE FORMS OF MANIFESTATION OF THE AUTHOR'S PERSONALITY
IN THE NOVELLA BY D. I. CHANKOV "MY INJURY IS STILL HURTING ME..."**

Cheltygmasheva Larisa Viktorovna, Ph. D. in Philology
Khakass Research Institute of Language, Literature and History
cheltygmasheval@mail.ru

The article examines the question of a role of the author in the novella by the Khakass scholar, pedagogue, participant of the Great Patriotic War D. I. Chankov "My Injury is still Hurting Me...". For the first time the novella is introduced into the scientific use, it hasn't been translated into the Russian language and hasn't become the object of a scientific interest. The author substantiates the statement that the types of subjects in the literary work – the author-creator, the author's image, the character – are united by the author's consciousness, revealed in each component of the text and the literary whole of the novella.

Key words and phrases: author; author-creator; author's image; character; author's consciousness; novella.

УДК 81'42:82'06:004.55

Филологические науки

В статье характеризуется современная ситуация в области функционирования литературных форм в компьютерной среде, определяется понятие гипертекстового нарратива, раскрываются основные его признаки. Автор описывает методику анализа литературного гипернарратива на основе «бриллиантовой схемы» нарратива-прототипа и доказывает целесообразность ее применения для выявления особенностей структуры гипернарратива в виде маргинальных структурных форм на примере анализа отрывка гиперсказки.

Ключевые слова и фразы: гипертекст; литературный гипертекстовый нарратив; маргинализация; нарратив-прототип; «бриллиантовая схема».

Чувильская Елена Александровна, к. филол. н.

Тюменский государственный университет
ETschuwilskaja@yandex.ru

МЕТОДИКА АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ГИПЕРНАРРАТИВА[©]

Перенос традиционных художественных текстов – нарративов – в современный гипертекстовый формат ставит новые задачи в плане исследования трансформированных литературных форм. Повествовательные стратегии, основанные на упорядоченном, каузально обусловленном изложении событий и определяемые как нарративный прототип, при реализации в гипертекстовой среде претерпевают структурные изменения и образуют его вариант. Своеобразную модель нелинейного децентрированного изложения событий, функционирующую в рамках компьютерного дискурса и представляющую собой аномальную форму прототипа, обозначим как **гипертекстовый нарратив, или гипернарратив** [6, с. 9]. Литературный гипернарратив, имея в основе своего построения гипертекстовые технологии, реализует все признаки, характерные для нелинейного текста – гипертекста: обязательное наличие двух компонентов: информационных единиц (термин О. В. Дедовой), или текстов (термин Э. Аэрсета), и гипертекстовых ссылок, связывающих первые элементы [5, с. 25]; основные концепции постмодернистской ситуации в свойственных ему признаках: нелинейность (как непоследовательность построения и восприятия информации, текст принимает форму «идеального текста», описанного Р. Бартом [3, с. 14]), открытость, незавершенность, изменение позиции автора и читателя («исчезновение» или деперсонификация автора и «рождение» активного читателя, игрока с текстом), мультимедийность (как разнородность используемых средств информации).

Основой для выбора методики анализа литературного гипернарратива служит тот факт, что гипертекстовый нарратив представляет собой симбиоз гипертекста и традиционной повествовательной стратегии и является вариацией идеального образца – прототипического нарратива – точнее, его маргинальной формой (термин К. А. Андреевой) [2, с. 123]. Таким образом, наложение на повествовательное пространство гипернарративов «бриллиантовой схемы» В. Лабова и Дж. Валетского, своеобразной инвариантной структуры